

УДК 1(091)

В.В. ПРОКОПЕНКО (кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и практической философии)

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Харьков, Украина

E-mail: Pvlad99@gmail.com

ПЛАТОНОВСКИЙ ВОПРОС В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статті дається аналіз реценції платонізму у вітчизняній філософській традиції, розглядається формування образу Платона в творчості Г.С. Сковороди, В.С. Соловйова, О.Ф. Лосева та П.О. Флоренського. Автор стверджує, що ці філософи знайшли вирішення Платонівського питання в специфічній національній формі.

Ключові слова: платонізм, національна філософія, ідеалізм, християнство

Вступление. Постановка проблемы в общем виде.

Основная проблема, обсуждаемая в настоящей статье, это – проблема определения и оценки вклада отечественных философов в исследование Платоновского вопроса. Здесь следует уточнить два основных понятия: Платоновский вопрос есть комплексная проблема, которая включает в себя вопросы об аутентичности, т.е., об авторстве Платона в отношении текстов, входящих в *Corpus Platonicum*, о хронологии этих текстов и, наконец, о содержательной взаимосвязи текстов Платона, их месте и роли в экспликации платоновских идей. Но исследование Платоновского вопроса не ограничивается исключительно филологической стороной вопроса. По нашему мнению, следует различать Платоновский вопрос в узком смысле, как проблему организации платоновского корпуса сочинений и в широком смысле – как проблему нахождения некоей основной идеи понимания Платона, гипотезы, из которой и разворачиваются все последующие интерпретации его философии.

Второе – понятие отечественной историко-философской традиции. На протяжении большей части своей истории украинская философия, развивалась в пространстве западноевропейской (единичные случаи) и русской философской мысли, с которой, при безусловном наличии именно украинского своеобразия, она составляла органическое целое. Украинские философы, безусловно, не являются чужими русской историко-философской традиции, более того, многие из них относятся к числу создателей самой этой традиции, что позволяет нам рассматривать творчество великих русских философов, писавших о Платоне, как наследие, доставшееся нам по праву первородства. В этом отношении данная тема представляет дважды актуальный вопрос – как в отношении мировой философии, так и в отношении отечественной культуры.

Цель статьи. Анализ новейших исследований и публикаций.

Целью нашего исследования является доказательство того тезиса, что отечественные философы, от Г. Сковороды до А.Ф. Лосева, уделяли особое внимание исследованию платоновского творчества, потому, что платонизм

воспринимался ими как элемент собственного философствования, а с Платоном русские философы чувствовали особое внутреннее родство. В результате ими был создан особый образ «Платона по-русски», который весьма далек от исторического Платона.

Анализ публикаций по данной теме позволяет сказать, что рецепция Платона в русской философии исследована явно недостаточно, несмотря на наличие основательных работ В.Ф. Асмуса, А.С. Богомолова, Т.В. Васильевой, Ф.Х. Кессиди, А.Ф. Лосева, А.А. Тахо-Годи. Прежде всего, большинство исследований неоправданно разрывает до- и послереволюционный период в отечественном платоноведении (статьи А.И. Абрамова и Ф.Х. Кессиди в сборнике «Платон и его эпоха» [1]). Во-вторых, исследователи редко обращают внимание на соотношение исследовательского и интерпретационного аспекта в отечественных историко-философских работах, посвященных Платону. Из работ последнего времени, посвященных русской рецепции Платона мы бы отметили исследования украинского автора А.Г. Тихолаза [2] и швейцарской исследовательницы Ф. Неттеркотт [3].

Изложение основного содержания исследования.

История отечественных интерпретаций платоновского творчества не так стара, как это иногда пытаются представить некоторые авторы (М.Н. Громов, А.Ф. Замалеев, Н.С. Козлов, М.Н. Тихомиров и др.), ищущие следы платонизма в киевско-русском средневековье. Мы, однако, считаем, что точкой, начиная с которой можно говорить о «русском Платоне» в научном, историко-философском смысле, является появление первых критических переводов Платона («Творения велемудрого Платона, переложенные с греческого языка на российский И.Сидоровским и М.Пахомовым» в четырех томах, изданные в 1780 – 1785 годах и, особенно, «Сочинения Платона, переведенные и объясненные профессором В. Н. Карповым» в 1863 – 1879 гг.). Вместе с тем, невозможно игнорировать то обстоятельство, что к моменту появления этих переводов уже сложилось некое, не совсем четко осознаваемое понимание нашего особого родства с Платоном. Историко-философскому изучению платоновской философии уже предшествовала мысль об особой роли Платона и его учения в процессе становления русской философии, которая впоследствии стала общим местом: «Платонизм лежит в основании всего русского исторического сознания, а еще точнее – исторического сознания русских. А поскольку центральной темой русской исторической мысли является тема об исторической миссии России, исторический платонизм оказывается мировоззренческим основанием *русской идеи*» [2, с. 298].

Пред-понимание Платона как философа особо родственного православному миру, возникло не позднее XVIII в. Известно, что среди профессоров Киево-Могилянской академии платонизм не был и не мог быть особенно популярен в силу господства в академических курсах схоластически-аристотелевской философии, но именно из Академии вышел человек, который первым из отечественных философов предпринял попытку Платоновский вопрос в отечественной философской традиции

своеобразного переформатирования философствования по платоновскому образцу. Речь идет о Григории Саввиче Сковороде, который для украинской и русской традиции прочтения Платона сделал почти столько же, сколько Марсилио Фичино – для западноевропейской. Философско-богословское учение Сковороды, конечно, чрезвычайно многопланово и оригинально именно в соединении элементов, которые обычно считаются трудносочетаемыми. И как раз идеи Платона в творчестве Сковороды сыграли роль своеобразного интегрального элемента, так что широко распространенное определение учения Сковороды как «христианизированного платонизма» (Ф. Зеленогорский, В.В. Зеньковский, А.Ф. Лосев, Л.В. Ушкалов, В.Ф. Эрн) является совершенно справедливым и обоснованным. Не вдаваясь в детальное исследование вопроса о сквородиновском платонизме, который неоднократно становился предметом исследования (см., например, работы К. Митровича, Л. Ушкалова и др. [4; 5; 6]), отметим то, что было сделано Г.С. Сковородой для формирования образа Платона, который затем стал общепринятым в последующей украинской и русской философии. Это, в первую очередь, акцентированное внимание к платоновским эйдосам, которые, по представлению Сковороды, формируют особый уровень бытия, возвышающийся над тварным миром, миром вещей. Это дуалистическое видение Платона, как мыслителя, «удваивающего» реальность очень хорошо коррелирует с собственным сквородиновским учением о двух натурах и о трех мирах. Во-вторых, как заметил еще В.Ф. Эрн, Г.С. Сковорода показывает возможность синтеза платоновского учения об идеях и христианского персонализма: «Это есть настоящий синтез между конкретным индивидуализмом Библии, в котором личность человеческая занимает первостепенное место, и несколько отвлеченным универсализмом Платона. Метафизические свойства идеи Платона – вечность, божественность, ноуменальность, красоту и благодать – Сковорода переносит на неповторимую личность человека, взятую в ее умопостигаемой глубине...» [7, с. 522]). Это – очень важный шаг в трансформации онтологии аттического мыслителя, которому был чужд всяческий персонализм, в антропологическое измерение, близкое и приемлемое для христианской мысли. Третье: именно Сковорода наиболее последовательно из всех украинских и русских мыслителей обосновывает идею внутреннего средства платонизма с христианством *в своем собственном творчестве*. Совсем неслучайным является тот факт, что он пишет наиболее значительные свои философские произведения в форме диалога, тем самым показывая пример реального синтеза Платона и Библии. Тот же, Владимир Эрн говорит, что «Сковорода можно назвать христианским платоником, примыкающим к той великой платонической традиции в христианстве, которая представлена многими великими учителями Церкви и христианскими мыслителями» [7, с. 524]. Следует также заметить, что Сковорода также настойчиво подчеркивает и характерное в дальнейшем для отечественной мысли противопоставление Платону Аристотеля с одной стороны и неразличение Платона и Сократа – с

другой.

Идеология хранителей истинного греческого духа, не испорченного, как в Европе, схоластикой и узким рационализмом, широко культивировалась в ранних славянофильских кругах, затем следы её заметны в работах большинства представителей соловьевской традиции, отчётливо и ярко, как манифест, у В.Ф. Эрна, а уже в середине XX века Б.П. Вышеславцев говорит: «Характерной чертой русской философии является ее связь с эллинизмом, с сократическим методом, с античной диалектикой платонизма. Эту традицию она получила вместе с византийским христианством и восточными отцами церкви, которые были сами первоклассными греческими философами. Эта эллино-христианская традиция глубоко соединяет нас с мировой философией, которая восходит в конце концов к Сократу и диалогам Платона» [8, с. 7]. Как мы заметили на примере творчества Г.С. Сковороды, важным моментом в русской традиции прочтения Платона всегда было сближение философии Платона с христианством, подход к нему как «христианину до Христа, аттическому Моисею». Откровенно антиисторичное, такое видение Платона, тем не менее, было настолько важным для идеологии русской мысли, что концепция христианизированного Платона в той или иной степени разделялась большинством русских религиозных философов XIX – XX века: С.Н. Булгаковым, П.А. Флоренским, С.Н. Трубецким, А.Н. Гиляровым. Цельность «Платона по-русски» достигается, как правило, выделением одной из сторон его творчества, все остальные оказываются в тени. В итоге альтернативные возможности прочтения Платона заслоняются от нас величественными фигурами русских философов, среди которых мы бы выделили двоих, оказавших (и до сих пор оказывающих) наибольшее влияние на отечественного исследователя, да и просто читателя Платона – В.С. Соловьева и А.Ф. Лосева. Именно у В.С. Соловьева мы находим первую работу, в которой осознается существование такой проблемы, как Платоновский вопрос, излагается история интерпретаций Платона и намечается развитие собственного ответа на Платоновский вопрос. Это статья «Платон», написанная Соловьевым для энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона [9, с. 453 – 479], в которой дается детальный критический, но вполне объективный, разбор интерпретаций Платона немецкими и английскими авторами, от Ф. Шлейермахера до Дж. Грота. Но В.С. Соловьёв вырабатывает и собственное видение Платона. Это от него в русской историко-философской традиции идёт выдвижение на первый план платоновской этики и учения об Эросе: «мы находим этот внутренний фактор, художественно изображенный в 2 совершеннейших и центральных произведениях П. – «Фэдр» и «Пиршество», заполняющих учением о любви кажущуюся пропасть между отрицательным и положительным идеализмом П. С помощью этого ключа мы можем представить философию П. и совокупность его главных творений в их жизненном единстве» [9, с. 463].

К Соловьёву же восходит и традиция рассмотрения философии Платона через призму неоплатонизма, который, согласно Соловьёву, Платоновский вопрос в отечественной философской традиции

является окончательным итогом греческой философии («Философия Платона представляет собою завершение древнего умственного мира как с положительной, так и с отрицательной стороны» [9, с. 482]). Философия Платона есть только один из элементов (наряду с Аристотелем и пифагорейцами), которые Плотин объединил в высшем синтезе. При таком подходе вполне естественным выглядит представление философии Платона в качестве введения в неоплатонизм и, соответственно, повышенное внимание к тем темам и идеям платоновской философии, которые получили своё развитие у неоплатоников и преуменьшение значения, если не полное игнорирование, остальных её элементов. Обращение к Плотину А.Ф. Лосева привело к тому, что в становлении лосевского образа Платона именно Плотин сыграл роль формообразующего начала. А.Ф. Лосев так излагает свою позицию: ««Платонические» дела мои стали заметно улучшаться около 1917 – 1918 гг., когда я, в порядке постепенности изучения античной философии, дошел до позднего ее периода, до *неоплатонизма*. Неоплатонизм открыл мне глаза на платонизм вообще и, в частности, на Платона. Стройная диалектическая система, строгие и суровые контуры философского мировоззрения, четкость и определенность терминологии, наконец, что очень важно по сравнению с Платоном, постоянная философская проза, а не разбросанный полупоэтический, полуриторический, полуфилософский стиль, – все это постепенно открыло мне платонизм во всем его величии. Я понял, что изучение неоплатонизма чисто *методологически* должно предшествовать изучению Платона. Масса отдельных затруднений, перед которыми становишься совершенно в тупик при изучении Платона, разъясняются с полной отчетливостью при помощи Платина» [10, с. 695 – 696]. Несмотря на всю ту сложную эволюцию, которую претерпели философские взгляды А.Ф. Лосева, эта позиция, высказанная им на исходе раннего периода его творчества, в главном оставалась неизменной, хотя все же за время, прошедшее с момента выхода статьи «Эрос у Платона» в 1916 году до 1930 года («Очерки античного символизма и мифологии») позиция А.Ф. Лосева в отношении Платона несколько изменилась: влияние В. Соловьёва заметно уменьшилось, а отношение к христианизированному Платону стало решительно негативным. Неизменными оставались и противоречия, заключённые в ней: с одной стороны, А.Ф. Лосев решительно выступает против христианизации Платона и немецкого историко-философского абстрактного эмпиризма: «С самого же начала я не мог переварить двух вещей – абстракций Целлера и абсолютного идеализирования и христианизирования Платона. Когда я читал изложения Платона, ставившие его в ряд христианских богословов или романтических идеалистов XIX в., меня всегда корбила беззастенчивость таких излагателей и отсутствие в них достаточно исторического и историко-филологического чутья» [10, с. 695]. С другой стороны, принятие неоплатонизма всегда, так или иначе, означает и принятие его христианских следствий, хотя бы в качестве предмета для исследования (известно, с какой тщательностью А.Ф. Лосев занимался отысканием повсюду неоплатонических влияний). Что касается «абстрактной

метафізики», сводившей философию Платона к учению об идеях как «гипостазированных понятиях», то именно благодаря А.Ф.Лосеву русский читатель, как правило, убеждён, что учение об идеях и есть платонизм.

Для А.Ф. Лосева исследование учения об идеях оказалось настолько важным, что он вновь и вновь обращается к нему на протяжении всей жизни. В «Очерках античного символизма и мифологии» А.Ф. Лосев утверждает, что его *Platonische Studien* следует рассматривать в русле того нового понимания Платона, которое вырабатывалось в Европе усилиями многих, но в первую очередь Наторпа и Кассирера и «не раньше меня по самой работе, но значительно раньше по опубликованию работ они построили такого Платона, которого строил и я» [10, с. 288]. Вряд ли впоследствии можно было бы так решительно утверждать, что П. Наторп и Э. Кассирер построили того же Платона, что и А.Ф. Лосев: слишком очевидно, что немецкие философы подчеркивают в Платоне только то, что роднит его учение как с логическим идеализмом в духе Г. Когена. Это категорически неприемлемо для А.Ф. Лосева, который и предпринимает свои знаменитые изыскания в области отношения понятий $\epsilon\iota\delta\omicron\varsigma$ и $\pi\delta\alpha$ для того, чтобы преодолеть абстрактный идеализм в понимании платоновских идей. Но при всех различиях с марбургцами, А.Ф. Лосев, так же, как и они, делает учение об идеях центральным в учении Платона: «задача настоящего моего очерка – изложить именно учение Платона об идеях и больше ничего» [10, с. 289]. Ещё раз заметим, что в этом пункте позиция А.Ф. Лосева сложилась уже к 1930 году и на протяжении всей его последующей жизни не менялась по существу. И наступило время, когда эта позиция была воспринята отечественным читателем уже как единственно возможная. После выхода «четырёхтомного трёхтомника» Платона под общей редакцией А.Ф. Лосева (и В.Ф. Асмуса, также рассматривавшего Платона в качестве именно идеалиста) с его же вступительной статьёй и статьями в примечаниях, учитывая тот действительный масштаб фигуры А.Ф. Лосева, ставшего, без преувеличения, *абсолютным* авторитетом в своей области, уже трудно было предположить возможность иного чтения Платона: «зрелый Платон – это, как всем известно, учение об идеях» [11, с. 4].

Конечно, странно было бы предполагать, что А.Ф. Лосев с его колоссальной историко-философской эрудицией мог просто не видеть других возможностей понимания Платона. Лосевское видение Платона есть, прежде всего, сознательно выбранный взгляд и, скорее всего, определённая и категоричность этого видения объясняется значимостью философской позиции самого А.Ф. Лосева, крупного, самостоятельного и оригинального философа. К сожалению, далеко не всегда, – и именно так обстоит дело в случае А.Ф. Лосева, – сознательно выбранный взгляд можно назвать результатом свободного выбора. Сложные и трагические обстоятельства, в которых вынужден был творить Лосев на протяжении почти всей своей жизни, привели к тому, что свежие, острые и крайне неоднозначные суждения А.Ф. Лосева о, например, социальной природе платонизма (в «Очерке античного символизма и мифологии», «Диалектике мифа» и других Платоновский вопрос в отечественной философской традиции

работах из «первого восьмикнижия») с течением времени исчезали из его книг, сменяясь более нейтральными в политическом отношении исследованиями в области учения об идее, «эстетическими прибавлениями» и т. д. Так возникал выхолощенный образ Платона-умозрительного теоретика, искусственность которого была очевидна и самому Лосеву, который частным образом говорил о Платоне совершенно иначе (потрясающе живое лосевское сравнение, приведенное в воспоминаниях В.В. Бибихина, бывшего в течение некоторого времени секретарем Лосева: «18.3.1971. ... У Платона такой строгой терминологии конечно нет. У него течет речь; за речами он следил. Такие замечательные речи, как в «Пире», Аристотель написать не мог. Хотя оба они глубже всякого Гегеля и Канта. И идеальное, и реальное, и бог, и человек – это всё у них продумано до конца. Но Платон занимается системой как любитель играет на рояли: так, поиграет иногда, а выступать – не интересуется» [12, с. 47]). А.Ф. Лосев обращает наше внимание еще на одного автора, о котором он говорит: «Есть, наконец, еще один автор, на этот раз уже русский, который дал концепцию платонизма, по глубине и тонкости превосходящую все, что когда-нибудь я читал о Платоне. Это – П. А. Флоренский» [10, с. 692 – 693]. Речь идет об общем понимании Платона, представленном в двух работах П.А. Флоренского: «Общечеловеческие корни идеализма» [14] и «Смысл идеализма» [13]. Флоренский так же, как и Лосев, видит Платона в качестве творца учения об идеях, более того, он настаивает на том, что весь мировой философский идеализм вырастает из Платона и всякий идеализм есть, в конечном счете, платонизм. Однако, Флоренский носит в это видение несколько неожиданных корректив – в частности, он связывает Платона с «религией народной жизни»: «терминология платонизма – язык более всего приспособленный для выражения религиозной жизни. Но, будучи естественной философией всякой религии, платонизм имеет особое сродство с тою религией, пред которою все прочие еле-эле удерживают название религии. Одним словом, мы знаем, что в платонизме – пред нами один из самых могучих, – скажу более, – самый могучий из ферментов культурной жизни» [13, с. 70]. В своем опыте православной теодицеи Флоренский уже пытался обогатить православие элементами народной религиозной жизни. Теперь перед нами разворачивается картина «обогащенного» платонизма, которая, безусловно, привлекла А.Ф. Лосева тем, как Флоренский расправляется с неокантианским представлением о платоновских идеях как гипостазированных понятиях [14, с. 286] и придает платоновской идее черты зримого образа – скульптуры или иконы: «Новое, что вносит Флоренский в понимание платонизма, это – учение о лике и магическом имени. Платоновская Идея – выразительна, она имеет определенный живой лик. Как на портрете или в статуе художник вызывает в нас чувство живого движения путем различной трактовки разных частей лица или туловища, так и платоновская Идея есть живой лик, отражающий в игре световых лучей, исходящих из него, свою внутреннюю, сокровенную жизнь» [10, с. 692]. Платон Флоренского – возвышенный творец, вдохновленный Эросом, его

творчество – не столько философия, сколько порыв духа («И, в таком случае, не правильнее ли разуместь платонизм не как определенную, всегда себе равную систему понятий и суждений, но как некоторое духовное устремление, как указующий перст от земли к небу, от долу – горе? А, в таком случае, делается понятной и неисчерпаемость этого неистребимого порыва нашей души к небесам» [13, с. 70]), а еще точнее, – магия (««Магия» – вот то единственное слово, которое решает платоновский вопрос. <...> Однако я не могу сейчас доказывать строго свой тезис о происхождении платонизма из магического мировоззрения непосредственного сознания: это требует целого исследования» [14, с. 287]. К сожалению, этого «целого исследования» П.А. Флоренский не оставил, и его, весьма интригующий, магический и религиозно-мистический образ Платона остался всего лишь туманной интуицией, изложенной в характерном для творчества П.А. Флоренского стиле, возвышенном и несколько манерном.

Выводы и перспективы дальнейших исследований.

Подводя итоги, мы должны отметить, что проведенный анализ позволяет утверждать следующее: В отечественной философской традиции Платон всегда был предметом особенного интереса, в отличие от, например, Аристотеля. Причиной этого была идея сродственности православия с платонизмом; Платоновский вопрос в широком смысле, как формирование первообраза, лежащего в основе исследования, впервые в русской философии был осознан В.С. Соловьевым, который первым же предложил его разрешение в концепции «жизненной драмы Платона»; А.Ф. Лосев проделал серьезную работу над созданием образа Платона как теоретика идей, которая была тесно связана с развитием философских взглядов самого Лосева; П.А. Флоренский наметил дальнейшую эволюцию «русского Платона»: акцентировал моменты скульптурности платоновского учения, выделил (внес в него) элементы имяславия, но не достиг завершения своей авторской трансформации Платона. Исходя из сказанного, мы утверждаем, что платонизм глубоко укорененный в отечественной философской мысли, по-прежнему продолжает оставаться учением, чрезвычайно привлекательным для нее, в котором современная философия способна найти новые возможности для собственного развития.

Список использованной литературы:

1. Платон и его эпоха / [Отв. редактор Ф.Х. Кессиди]. – М.: Наука, 1979. – 318 с.
2. Тихолаз А. Г. Платон и платонизм в русской религиозной философии второй половины XIX – начала XX веков / А.Г. Тихолаз. – К.: ВиРа «Инсайт», 2003. – 367 с.
3. Nethercott F. Russia's Plato: Plato and the Platonic tradition in Russian education, science and ideology (1840-1930) / F. Nethercott. – Aldershot: Ashgate Publishing Company, 2000. – 233 p.
4. Митрович К. Платонічні елементи у філософії Сковороди / К. Митрович; [Пер. з фр. О.М. Сирцової] // Сковорода Григорій: Дослідження,

розвідки, матеріали: Збірник наукових праць / Упоряд. В.М. Нічик, Я.М. Стратій. – Київ: Наукова думка, 1992. – С. 330–344.

5. Ушкалов Л.В. Жанровая природа диалогов Г. Сковороды в связи с «сократическими» диалогами Платона / Л.В. Ушкалов // Отечественная философская мысль XI – XVII вв. и греческая культура: Сборник научных трудов. – Киев: Наукова думка, 1991. – С. 279 – 284.

6. Кашуба М.В. Г. Сковорода і неоплатонівські традиції в Україні / М.В. Кашуба // Спадщина Григорія Сковороди і сучасність: Матеріали читань до 200-річчя з дня смерті Г. Сковороди 21–22 грудня 1994 р.; [Головний ред. та упоряд. А. Карась]. – Львів: Світ, 1996. – С. 56 – 60.

7. Эрн В.Ф. Борьба за Логос. Г. Сковорода. Жизнь и учение / В.Ф. Эрн – Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000 – 592 с. – (Классическая философская мысль).

8. Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии / Б.П. Вышеславцев – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. – 168 с.

9. Соловьёв В. С. Собрание сочинений: в 10 т. / Владимир Сергеевич Соловьёв; [под ред. С. М. Соловьёва и Э. Л. Радлова]. – СПб.: Просвещение, 1897—1900. — Т. 10. — 527 с.

10. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф. Лосев; [Сост. А.А. Тахо-Годи; Общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова].— М.: Мысль, 1993.— 959 с.

11. Платон. Диалоги. / Платон; [пер. с древнегреч. Сост., ред. и авт вступ. статьи А.Ф.Лосев]. – М.: Мысль, 1986. – 607 с.

12. Биbihин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев / В.В. Биbihин. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 416 с.

13. Флоренский П. А., священник. Сочинения. В 4 т. / [Сост. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой; ред. игумен Андроник (А. С.Трубачев)] – М.: Мысль, 1999 – 2000. – Т3(2). – 623 с. (Филос. наследие).

14. Флоренский П.А. Общечеловеческие корни идеализма: [Пробная лекция] / П.А. Флоренский // Богословский вестник. – 1909. – Т.1, №2. – С. 284 – 287.

В.В. ПРОКОПЕНКО

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Харьков, Украина

E-mail: Pvlad99@gmail.com

ПЛАТОНОВСКИЙ ВОПРОС В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье дается анализ рецепции платонизма в отечественной философской традиции, рассматривается формирование образа Платона в творчестве Г.С. Сковороды, В.С. Соловьёва, А.Ф. Лосева и П.А. Флоренского. Автор утверждает, что эти философы нашли решение Платоновского вопроса в специфической национальной форме.

Ключевые слова: платонизм, национальная философия, идеализм, христианство

V. PROKOPENKO

V.N. Karazin **Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine**

E-mail: Pvlad99@gmail.com

PLATON'S QUESTION IN DOMESTIC PHILOSOPHICAL TRADITION

The article analyzes the reception of Platonism in the national philosophical tradition, The paper deals with the formation of the Plato's image in the works of G.S. Scovoroda, V.S. Solovyov, A.F. Losev and P.A. Florensky. The author argues that these philosophers have found the solution to Plato's question in a specific national form.

Key words: Platonism, the national philosophy, idealism and Christianity

*Стаття надійшла до редколегії 19.07.12
Прийнята до друку 21.07.12*